

Переводчик: Антония

Казалось, что она была слишком мягкой, когда их выгнали из деревни Ван.

Она ясно увидела этих троих людей, повернулась назад и ответила: "Ваше величество". Они все склонили головы, так что я не могу ясно видеть. Боюсь, я могу ошибиться. Пожалуйста, Ваше Величество, позвольте им поднять головы, чтобы я мог видеть отчетливее".

Она планировала мысленно пытать этих людей, чтобы избавиться от своего гнева.

Император взглянул на них, что-то осмысленное, мигающее в его глазах, без колебаний и ругая на три колена позади Мо Цяньсюэ: "Вы смотрите вверх, чтобы показать свои лица, посмотрите на нее и убедитесь, что она та, кого вы называете госпожой Нин".

Император был, по крайней мере, вежлив с Мо Цяньсюэ, но к ним на низовом уровне его тон был ужасен.

Ругань сына небесного вряд ли могла родиться обычным человеком.

По словам Императора, трое начали трястись телесно и медленно смотрели вверх в нерешительности. Мо Цяньсюэ чихнул внутрь. Используя этих бесполезных дураков, чтобы свалить ее? Они поверили, что она глупая отталкивающая?

Перед тем, как трое сказали что-нибудь, Мо Цяньсюэ немного наклонилась и холодным пронзительным голосом сказала: "Открой свои глупые большие глаза и ясно увидишь, кто я". Если ты осмелишься солгать, даже если я тебя не виню, наш мудрый справедливый Император не простит тебя за то, что ты оскорбил женщину!".

Она может быть еще и яблоком-полировщиком. Используй слова, чтобы заморозить Императора, и позже, когда спектакль достигнет кульминации, он не сможет отступить, кроме как принять холод.

Чжао Эргоу и сестра Чжао смотрели вверх, пока дрожали, и, уставившись и испугавшись Мо Цяньсюэ, их сердца бились еще сильнее, как барабан.

Они старались как можно лучше успокоиться и взглянули на нее. Мгновенно они были шокированы. Девушка действительно была миссис Нин. Лицо было таким же, но одежда и темперамент были совершенно разными. Какое-то время они не могли ответить.

Когда они смотрели на неё, Мо Цяньсюэ показала призрак презрения и презрительно храпела.

Пара была ничем иным, как модами, и никогда не испытывала ничего огромного. Во дворце они уже были напуганы и теперь, поддавшись храпу Мо Цяньсюэ, снова дрожали, лицо

бледное, холодный пот ползал густо на их лбу.

Чжао Эргоу уже лежал на земле и, вздрагивая, но все же указывая на Мо Цяньсюэ, его голос дрожал: "Госпожа Нин". Она... она миссис Нин".

Ему обещали сумку с золотом. Кроме того, за жизнь своего сына и в отместку за то, что его выгнали, он решил это сделать. Кроме того, он не лгал.

Услышав его слова, сестра Чжао изо всех сил пыталась ослабить дрожащие зубы и добавила: "Да. Она... миссис Нинг, счастливая жена мистера Нинга..." Не смотря ни на что, она может быть никем, кроме миссис Нинг. Даже для мешка с золотом слова не изменились бы.

Свидетельство пары, казалось, придало ученому немного мужества, и его трясущееся тело на мгновение остановилось, как будто он был жестким человеком: "В этот момент, вы все еще хотите отрицать это? Ваше величество, прошу вас, сделайте мне правосудие".

Бесстыжий. Даже если бы это была правда, это был позор для человека, который был брошен своей женой и попросил других, чтобы сделать его справедливостью. Разве он не хотел стать богатым и благородным, обвиняя ее перед императором?

Были только истории о нелояльных мужчинах, которые бросили своих бедных жен после успеха, но никогда не было историй о том, что женщины бросили своих мужей после того, как стали богатыми. Как ему не стыдно.

Позор всем мужчинам!

Все чиновники смотрели на него с презрением.

Конечно, стоявшие в рядах цензоры заранее получили предупреждение от мастера Се, поэтому все они встали и говорили за мужчину, даже если смотрели на него свысока.

"Ваше величество. Мистер Нинг всё прояснил, и мисс... Мо не отрицала, что знала их. Очевидно, что она совершила преступление обмана императора."

"Ваше величество. Преступление Мо Цяньсю омерзительно тем, что она полностью пренебрегла женскими добродетелями..."

"Ваше величество. Дело имеет далеко идущее ужасное влияние..."

Мистер Цзя, стоящий среди этих чиновников, снес бороду от ярости.

Они не могут быть более позорными, чем издеваться над женщиной. Тем не менее, Мо Цзяньсюэ ничего не сказал, чтобы отрицать, поэтому он не мог говорить за нее, хотя и хотел.

Все могло прийти к выводу только после проверки тела... Он верил, что госпожа... Мо был невиновен. С его женой там, это не было бы неправильно. Думая об этом, мистер Цзя закрыл глаза, отказываясь видеть эти отвратительные лица.

Император неторопливо сидел на своем высоком стуле, чтобы посмотреть шоу. Скромная пара по-настоящему взволнована, но он легко мог рассказать об их знакомстве с ней. Он ждал, пока Мо Цзяньсюэ впадает в панику и умоляет его.

Тогда он мог освободить ее от смертной казни, но не от другого наказания. Он все еще мог посадить ее в тюрьму, в реальности, не обращая внимания на чью-либо молитву о прощении.

Затем, когда она была увлажнена, он говорил с ней лично о черном жетоне. Все было предметом переговоров, пока она подавала жетон. Она все еще могла быть дамой особняка Основателя и наслаждаться славой и богатством. Если бы нет, он бы превратил ее в официальную проститутку...

Он верил, что любая женщина знает, как выбирать между проституцией и славой и богатством.

Мо Цзяньсюэ проигнорировал трех крыс и не спорил с этими цензорами. Она откинулась назад и снова встала на колени: "Ваше величество, я знаю их всех".

Уверенный в своей победе, император выглядел более величественно и громко ругался: "Тогда что еще ты хочешь сказать?".

Мо Цзяньсюэ сказал мрачно: "Хотя я их знаю, я не согласен с тем, что они сказали. Ваше величество мудро знает, что они - нарушители закона, обманувшие вас. Я прошу их смерти на месте, чтобы поддержать правосудие и имперскую власть".

Ненависть исходила из его глаз. Он не верил, что в этот момент Мо Цзяньсюэ все еще может отрицать и откусывать.

Он похлопал по стулу дракона и воскликнул: "Как ты смеешь!"

Все чиновники встали на колени и в унисон сказали: "Пожалуйста, не сердитесь, Ваше Величество..."

Император указал на Мо Цзяньсюэ: "Упрямый! Доказательства здесь, и ты не только отказываешься признаваться, но и пытаешься уклониться. Но для Тяньфаня, который годами выказывал верность мне, я обезглавлю тебя прямо сейчас. Иди и посади Мо Цзяньсюэ в тюрьму." Он вдруг почувствовал себя плохо и не захотел дать ей шанс или самому показать, каким

мудрым и милым он был как император.

Мо Цяньсюэ оставался спокойным, глаза были ясными и острыми, талия - вертикальной, хорошо организованной речью. Все это послужило источником тревоги императора.

Решение пришло так внезапно, что оно мгновенно нарушило планы многих людей при дворе.

Когда Император разозлился, чиновники должны были встать на колени и попросить его успокоиться. Это было обычной практикой, конвенцией и рефлексивной реакцией трусливых цензоров, которые были дисциплинированы Императором в течение многих лет.

Когда все встали на колени, Су Цзиньюй тоже опустился на колени. Фэн Yuchen также встал на колени слишком, потому что он был императором, сыном рая. Кроме того, это было не правильно если они стояли пока другие стояли на коленях.

Немедленно, дворец был полон стоя на коленях людей, за исключением нескольких принцев и пожилых министров. Все умоляли императора перестать сердиться.

После этого Фэн Юхэнь поднял голову, его милое личико слегка встревожило: "Пожалуйста, не сердитесь, ваше величество". Я могу обещать головой, что мой кузен Мо Цяньсюэ говорит правду. Эти трое говорят ерунду. Пожалуйста, посмотрите на это. В тот день пропал мой двоюродный брат, а отец был так беспокоен и приказал мне немедленно провести расследование. Когда я нашла кузена..."

Она не нуждалась в нем, но все еще была двинута им, когда Фэн Ючэнь мог выделяться и говорить за нее в этот момент. Неважно, двигался он дальше или нет, до тех пор, пока не доводил это до проблемной крайности, он был её братом. Пока она была жива, она старалась помочь защитить семью Фэн.

По словам няни Мо, семья Фэн должна была держаться в тени и из-за этого.

Много лет назад, после того, как Император сделал предложение с семьёй Фэн и ему было отказано, он держал на неё обиду и всегда пытался подавить семью Фэн в течение стольких лет.

Если бы это не было защитой Основателя, семья Фэн была бы похожа, если бы не идентична деградировавшей семье Лан.

Император не желал, чтобы Фэн Юхэнь закончил свои слова, насыщая в ярости: "Зачем мне нужна твоя голова? Вы случайно напомнили мне, что Основатель доверил ее вашей семье, но вы не заботились о ней и теперь позволяете ей причинять столько неприятностей. То, что она ошибается, тесно связано и с твоей семьей..."

Когда он был в ярости, несколько стражников с мечами уже вошли во дворец снаружи и приготовились утащить Мо Цяньсюэ.

Чтобы защитить Мо Цяньсюэ, Фэн Ючэнь мог пожертвовать своей жизнью, но не мог рисковать всей семьёй. Думая об этом быстро, он уже принял решение отправить письмо голубью и пригласить сюда дедушку после возвращения домой.

Император не уважал его, но его дед был министром в течение трех поколений и хозяином семьи, который также поддерживал Императора вместе с Основателем. Император оказал бы ему услугу...

Су Ци выглядела строгой, что было редкостью. Это было поле боя без мечей, где он не мог сражаться кровавым оружием. В этом деле семья Су не могла говорить.

Однако, даже без позиции, он не мог смотреть, как ее снова затаскивают в такое место. Прошлой ночью уже чуть не убил его с чувством вины!

Су Ци рационализировал свои мысли, сделал глубокий вдох и собирался что-то сказать, когда пришел старый, но торжественный голос.

"Подождите!" Это был господин Цзя, один из немногих, кто не встал на колени и не умолял.

Стража остановилась, но не посмотрела на императора. Они опустили головы и послушали. При дворе все менялось каждую секунду. Они не могли легко выполнить приказ даже императора.

Если они действовали слишком быстро, поймали не того человека, или император пожалел, они будут те, кто заплатил за последствия.

Господин Цзя остановил стражу и повернулся к Императору, поклонившись: "Пожалуйста, не сердитесь, Ваше Величество". Я должен кое-что сказать".

<http://tl.rulate.ru/book/14777/1023077>